СТАРООБРЯДЧЕСТВО УРАЛА OLD BELIEF IN THE URALS

DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.008
УДК 94(470.54)“17/19” + 279.99

С. А. Белобородов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

«БЕСПОПОВЩИНА ЕСТЬ ЗДЕСЬ ОСОБЕННАЯ...»: ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА НИЖНЕСАЛДИНСКОГО ЗАВОДА

Старообрядчество на протяжении нескольких веков было одной из важных составляющих религиозного ландшафта России. В XVIII — начале XX в. одним из крупнейших центров староверия Российской империи был горнозаводской Урал. Несмотря на большое количество исследований о феномене старообрядчества, необходимо отметить, что изучено оно недостаточно хорошо. В первую очередь это касается локальных центров и отдельных согласий.

В данной статье предпринимается попытка на основании как уже известных, так и новых источников реконструировать историю староверия в заводском поселке Нижнесалдинского завода. Основанный Н. А. Демидовым во второй половине XVIII в., Нижнесалдинский завод изначально был заселен выходцами с Поволжья, среди которых староверы составляли значительное число. О роли «старообрядческого фактора» в истории Нижней Салды свидетельствует такой факт: старообрядческая часовня появилась здесь одновременно со строительством поселка, а православный храм был возведен только спустя 5 лет.

Следует отметить, что первоначально все салдинские староверы принадлежали к согласию беглопоповцев (принимающих священников, бежавших из официальной церкви), но в начале XIX в. часть старообрядцев Нижней Салды перешла в беспоповщину (поморское согласие), а во второй половине XIX в. и вовсе трансформировалась в радикальное согласие странников (бегунов). В статье раскрыты побудительные мотивы и причины этих переходов. Приводятся сведения об изменении идеологических установок. Анализируются статистические данные. Особое внимание уделено периоду 1930-х — начала 1940-х гг., когда советские власти жестоко расправились с салдинскими странниками. Однако староверы сумели пережить репрессии и адаптироваться к новым условиям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: религиозный ландшафт; Урал; Нижнесалдинский завод; старообрядцы; беглопоповцы; поморцы; странники

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

Ц и т и р о в а н и е: *Белобородов С. А.* «Беспоповщина есть здесь особенная...»: из истории старообрядчества Нижнесалдинского завода. DOI 10.15826/izv2.2020.22.1.008 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 112–126.

Поступила в редакцию 12.11.2019

Принята к печати 14.02.2020

Sergey A. Beloborodov

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

“THERE IS PECULIAR BESPOPOVSHCHINA HERE...”: FROM THE HISTORY OF THE OLD BELIEVERS OF THE NIZHNESALDINSKY PLANT

Old Believers have been one of the most important components of the religious landscape of Russia for several centuries. Between the 18th and early 20th centuries, one of the largest centres of Old Believers in the Russian Empire was the mining Urals. Despite the large number of studies on the phenomenon of Old Belief, it should be noted that it is not well studied. This mostly applies to local centres and individual concords.

This article attempts to reconstruct the history of Old Believers in the factory settlement of the Nizhnesaldinsky Plant with reference to both already known and new sources. Founded in the second half of the 18th century by N. A. Demidov, the Nizhnesaldinsky Plant was originally inhabited by natives of the Volga Region, a significant number of them being Old Believers. The role of the “Old Believer factor” in the history of Nizhnyaya Salda is evidenced by this fact: an Old Believer chapel appeared there simultaneously with the construction of the village, and an Orthodox church was only built 5 years later.

It should be noted that initially all Nizhnyaya Salda Old Believers belonged to the Beglopovttsy movement (receiving priests who fled from the official Church), but in the early 19th century, part of the Old Believers of Nizhnyaya Salda transitioned to Bespopovtsy (Pomortsy), and in the second half of the 19th century completely transformed into the radical movement of Stranniki (runners). The article reveals the motivations and reasons for these transitions. It also provides information about changes in ideological attitudes and analyses statistical data. Special attention is paid to the period between the 1930s and early 1940s, when the Soviet authorities brutally

dealt with the Salda Stranniki. However, the Old Believers managed to survive the repression and adapt to the new conditions.

Key words: religious landscape; Urals; Nizhnesaldinsky Plant; Old Believers; Beglopovtsy; Pomortsy; Stranniki

Acknowledgements

The article was prepared in the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education on the topic “Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies” FEUZ-2020-0056.

For citation: Beloborodov, S. A. (2020). “Bespovovshchina est' zdes' osobennaia...”: iz istorii staroobriadchestva Nizhnesaldinskogo zavoda [“There is Peculiar Bespovovshchina Here...”: From the History of the Old Believers of the Nizhnesaldinsky Plant]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 1 (196), 112–126. doi: 10.15826/izv2.2020.22.1.008

Submitted: 12.11.2019

Accepted: 14.02.2020

Старообрядчество уже более 350 лет играет важную роль в истории, культуре и общественном сознании России. С конца XVII в. до настоящего времени написаны тысячи работ, посвященных этому уникальному явлению. Но, как отмечают многие исследователи, тема еще далека от полного раскрытия. На наш взгляд, проблема во многом связана с малым количеством трудов по изучению событий, происходивших в «малых центрах» староверия. Поэтому нередко старообрядчество воспринимается как некое единое целое, без учета региональных особенностей и нюансов.

Не является исключением и история старообрядчества Урала, где в XVIII — начале XX в., кроме трех главных центров (Невьянск, Нижний Тагил и Екатеринбург), существовали десятки малых. При этом каждый из таких локальных центров, при несомненном существовании общих с другими черт, имел свои особенности. Поэтому главная задача данного исследования — выявление и анализ этих отличий на фоне рассказа об истории староверия в конкретном населенном пункте.

Нижнесалдинский железоделательный завод был возведен по распоряжению Никиты Акинфиевича Демидова в 1759 г., а 12 ноября 1760 г. выпустил первую продукцию. Он расположен в 54 км к северо-востоку от Нижнего Тагила и изначально замыслился как предприятие для переделки тагильского чугуна.

По данным исследователей, подавляющее большинство людей (83,27 %) было переведено на Салдинский завод из поволжских вотчин Демидова. Из оставшихся 16,73 % поселенцев только выходцы из Верхотурского и Балахонского уездов превысили отметку в 1 %. Все остальные группы (из Прикамья, Дедиловского, Угличского, Тотемского и других уездов) были очень малочисленны [Коновалов].

Следует отметить, что крестьяне-старообрядцы во всех поволжских имениях Демидовых составляли значительную часть населения (а в Унженской вотчине и вовсе преобладающую). Поэтому и в Салдинском заводе староверов оказалось немало. По конфессиональной принадлежности все они были беглопоповцами (т. е. принимали священников, бежавших из официальной церкви).

Кстати, первый заводской приказчик — Алексей Иванов — также был старовером [Павловский, с. 58]. Не удивительно, что культовое здание для совместных богослужений старообрядцев появилось в Салдинском заводе раньше, чем православная церковь. По сведениям хорошо информированного исследователя «часовня во имя Николая Чудотворца была построена в 1758 г. на усадьбе Григория Посадского (Посадкова)» [Варушкин, 1867, с. 279]. На самом деле священник Иоанн Пырьев, написавший об этом в 1830-е гг., немного ошибся, буквально интерпретировав слова своих информантов о том, что салдинская старообрядческая часовня существует «с основания завода».

Салдинский завод действительно задумали строить в 1758 г., но на другом участке — близ устья р. Нелобы, впадающей в р. Салду. Однако место оказалось неудачным, так как оно было «весьма плоское и обширное, местами топкое и мелкое» [Танкиевская, с. 29]. Новое «способное место» было выбрано в пяти верстах от первоначального, вниз по течению Салды. В 1759 г. образовался пруд, на берегу которого и возвели беглопоповскую часовню (около 1760 г.). Кстати, этот район до сих пор носит весьма примечательное название *Кержацкий Конец (Край)* или, по-простому, — *Кержаки* (совр. ул. Демьяна Бедного).

В конце 1760-х гг., после пятилетнего перерыва, вызванного «оскудением священства», старообрядческая община Нижнего Тагила обзавелась «своими» иереями, которые также время от времени стали посещать часовни нижнетагильской округи, в том числе — салдинскую: беглый иеромонах Феофилакт; беглые попы Петр Никифорович, Феодор, который вскоре уехал обратно («отступил»); Андрей, также «отступивший»; Петр Федорович, появившийся на Нижнетагильском заводе около 1798 г. и служивший не слишком долго [Белобородов, Боровик, с. 185].

Некоторое представление о количестве салдинских староверов в то время могут дать материалы официального учета. В 1765 г. была проведена перепись раскольников всех нижнетагильских заводов, записанных в двойной подушный оклад. По данным переписчиков, в Салдинском заводском поселке числилось 98 мужчин и 92 женщины (всего 190 человек), открыто заявивших о приверженности к староверию [РГАДА, ф. 1267, оп. 1, д. 201, л. 131]. Однако у нас есть весьма веские основания предполагать, что на самом деле старообрядцев в Салде было в разы больше.

Летом 1778 г. в 10 верстах от Салдинского завода река была перегорожена еще одной плотиной, рядом с которой возвели завод, названный Салдинским Верхним. До 1836 г. православные жители Верхней Салды были прихожанами Нижнесалдинской церкви, освященной в 1764 г. во имя великомученика

Никиты¹ [Приходы и церкви..., с. 297]. А верхнесалдинские староверы, по всей видимости, стали прихожанами Никольской старообрядческой часовни Нижней Салды. По сведениям миссионеров, в начале 1820-х гг. в заводских поселках насчитывалось старообрядцев: в Нижней Салде — 635, в Верхней Салде — 214 душ обоего пола [Варушкин, 1866, с. 9].

До XIX в. жизнь салдинских староверов протекала без каких-либо потрясений: власти не докучали визитами совершенно; заводские приказчики все были старообрядцами. Беглые попы приезжали редко, но на большие праздники можно было съездить в нижнетагильскую Троицкую часовню. При салдинской же Никольской часовне существовал свой «клир», состоящий из уставщика (наставника), головщика (знаменщика) и певчих, которые «читали и пели, отправляя все те службы, кои могут совершать и простые миряне» [Состояние в епархии раскола, с. 362].

Событием, серьезно повлиявшим на жизнь старообрядцев, входивших в нижнетагильское объединение беглопоповцев, стал переход беглого священника Андрея Жданова в единоверие в 1806 г. [К истории православного старообрядчества, № 1–2, с. 28–31; № 3, с. 65–66; № 4, с. 117]. Примечательно, но и следующий нижнетагильский старообрядческий священник Илларион Петров также перешел в единоверие (в 1809 г.) [Там же, № 3, с. 72]. Таким образом, староверы более пяти лет (с небольшим перерывом) вновь вынуждены были обходиться без беглых иереев.

В сложившейся ситуации серьезное влияние на часть беглопоповцев оказала беспоповская агитация. По донесениям православных священников от 1826 г. отмечено, что «на демидовских заводах укоренилось поморское учение не более как около 20 лет назад» [Дневник С. Д. Нечаева, 1893, № 20, с. 832] (т. е. примерно с 1805 г.). При этом, «рассадником поморского толка» называлась д. Таватуйская, где в начале XIX в. активизировались «перекрещиванцы».

Отметим, что под определение «перекрещиванцы» попадали не только радикальные поморцы, но и любые другие беспоповцы, которые принимали переходящих к ним «по первому чину», т. е. через новое крещение. Так поступали, например, федосеевцы, филипповцы, странники и др. Вероучительными особенностями поморского старообрядческого сообщества на нижнетагильских заводах было то, что «...не признавая греко-российской церкви и никаких других апостольскую, не принимая ее таинств, сами они совершали крещение, и исповедь, и браки, и сверх того, крещеных перекрещивали» [Мангилёв, с. 16].

Вскоре идеи поморцев среди бывших уральских беглопоповцев начали развивать вновь обращенные беспоповцы из числа местных жителей. Примечательно, что в начале XIX в. на горнозаводском Урале поморщина получила обиходные названия по фамилиям первых наставников-пропагандистов: «улегова вера» (Андрей Улегов — Черноисточинск), «пайвина вера» (Иван

¹ В 1834 г. был выстроен каменный трехпрестольный храм с главным престолом, освященным во имя Николая Чудотворца.

Пайвин — Баранча), «токамова вера» (Кошкин, по уличному прозвищу Токмак, — Кушва).

В Нижней Салде активным поморским агитатором выступил нижнетагильский житель С. Н. Пахтеев, а потому местным именованием членов общины, созданной при его непосредственном участии, стало «пахтеи» («пахтеева вера») [Белобородов, с. 433–434]. В 1823 г. имя С. Н. Пахтеева фигурировало в материалах расследования «о совращении в раскол» жителей Верхнесалдинского завода. Следствие установило, что «Потап и Исай Рябовы с 1818 года уклонились в поморскую секту, бывши научены родственником своим, Нижнетагильского завода жителем Стефаном Пахтеевым» [РГИА, ф. 1005, оп. 1, д. 69, л. 2]. Но никакого наказания Пахтеев не понес, потому что к тому времени уже скончался [Из архива С. Д. Нечаева, с. 262].

Однако к этому времени на заводах Нижнетагильского горного округа появились новые вожаки поморщины. Их активная деятельность привела к тому, что весной 1821 г. началось следствие, в результате которого Екатеринбургский уездный суд, помимо прочего, установил, что вся тагильская община поморцев в это время насчитывала «с малыми детьми 64 человека» [РГИА, ф. 1284, оп. 195, 1822 г., д. 1, л. 6 об.]. Были задержано несколько человек — руководителей уральской поморщины, но их лишь подвергли «увещеванию».

В начале царствования Николая I дело получило совершенно иное продолжение. Летом 1826 г. «раскольников поморской секты, Нижнетагильского г. Демидова завода крестьян, как главнейших распространителей ереси» Захара Печатальщикова, Петра Подгорнова, Пантелея Солодова и Осипа Шулаева отправили «в самые строгие сибирские монастыри». Прочих же, менее виновных, должны были отдавать в военную службу или ссылать в Восточную Сибирь [Преосвященный Аркадий, с. 215].

Примечательно, что хотя в ходе расследования, охватившего весь Урал, были установлены имена региональных руководителей поморских и федосеевских общин, они фактически не понесли никакого наказания и продолжили свою деятельность: в Ачите — Алексей Берсенева, в Баранче — Сильвестр Черепанов, в Нижней Салде — Филипп Черных. При этом были выявлены определенные изменения, произошедшие в идеологии уральских беспоповцев.

Оказалось, что «на тагильских заводах между раскольниками долго ходила молва, что государь Александр Павлович не преставился, но живет скрытно, отращивает бороду, набирает особое войско и скоро прибудет на заводы для истребления никониан» [Дневник С. Д. Нечаева, 1893, № 20, с. 836]. Ф. Улегов, встретившись в 1826 г. с салдинским предводителем поморцев Филиппом Черных, сообщал, что вместо теории об Александре-избавителе «...родилось между ними новое мнение, столь же смешное и нелепое, но столь же твердо ими держимое, именно: они, рассматривая 17-ю главу Апокалипсиса — о 10-рогом и 7-главом звере (или змее), находят, что оное место относится именно к России, и, исчитывая 10 уже бывших императоров, полагают, что теперешний, 11-ый,

и не есть в числе служителей Антихриста, а потому верят несомненно, что он [в скором времени] познает христианскую веру и, приняв перекрещивание, сделается сильным их покровителем и восстановителем их веры по России» [Из архива С. Д. Нечаева, с. 314]. Правда, очень скоро уральские поморцы осознали, что Николай I вовсе не спешит перекрещиваться и вставать во главе российской беспоповщины. Руководителям салдинских «пахтеев» в очередной раз пришлось менять идеологическую базу, обосновывающую существование их толка. Но об этом чуть позже.

Вернемся к истории салдинских беглопоповцев. В конце 1820-х — начале 1830-х гг. все общины нижнетагильского объединения старообрядцев, насчитывавшего свыше 15,5 тысяч человек, духовно «окормлял» единственный беглый священник Архип Семенович (умер в 1835 г.). Понятно, что престарелый старообрядческий иерей физически не успевал посетить каждую из двух десятков общин хотя бы раз в год. Но пока у салдинских кержаков оставалась часовня, с этим еще можно было мириться. Через год после пожара, случившегося в 1828 г., нижнесалдинская Никольская часовня была отстроена заново в камне. Большую помощь в этом оказал главный заводской приказчик-старообрядец Лука Степанович Макаров (умер в 1833 г.).

Однако последовавшие за этим события коренным образом изменили вектор развития староверия и в Нижней, и в Верхней Салде. В начале 1830-х гг. в общине старообрядцев Нижнетагильского завода, на которую всегда равнялись салдинские кержаки, случился очередной раскол: часть тагильских беглопоповцев приняла решение обратиться в единоверие. В 1833 г. в Нижний Тагил прибыл первый единоверческий священник о. Дмитрий Козельский. В это же время немногочисленные на первых порах единоверцы появились и в Нижнесалдинском заводе.

Следующий «удар» был нанесен властями осенью 1836 г., когда была запечатана нижнесалдинская Никольская часовня. Формальным поводом для этого стал закон 1826 г., запрещавший старообрядцам строительство новых и ремонт старых молитвенных зданий. Лишенные культового здания староверы Нижней Салды стали было собираться на моления в доме Ивана Котовщикова. Вскоре информация об этом дошла до заводского исправника. У Котовщикова был проведен обыск, изъято несколько икон, но доказать, что помещение использовалось для общественного богослужения, не удалось. Однако «показательный урок» старообрядцами был усвоен и «явных» моленных домов больше не появлялось, хотя очевидно, что они были, так как численность старообрядческого населения в заводском поселке по-прежнему оставалась очень значительной. В 1836 г. в Нижнесалдинском заводе проживало 626 староверов, «приемлющих беглое священство» (281 мужского пола и 345 женского) [ГАПК, ф. 65, оп. 2, д. 817, л. 153 об.].

В 1838 г. в Нижней Салде произошло знаковое событие: «главный старшина раскольнический» Захар Петров и еще 37 человек изъявили желание присоединиться к единоверию [Варушкин, 1867, с. 280]. По их прошению 16 июля

1842 г. в торжественной обстановке Никольская часовня была распечатана [Танкиевская, с. 58].

В 1845 г. в Нижнесалдинском заводе был открыт самостоятельный единоверческий приход, но довольно долго, по странному небрежению властей, на местных единоверцев почти не обращали внимания. Показательно, но старая часовня была перестроена во временную церковь лишь в 1857 г. Новый каменный единоверческий храм строился без малого 10 лет (1857–1867) [Приходы и церкви..., с. 603]. В 1877 г. прихожанами Никольской единоверческой церкви числилось 617 человек, ранее бывших старообрядцами; в 1882 г. — 615; в 1887 г. — 686 душ обоего пола [Адрес-календарь..., 1877, с. 134; Пермский епархиальный адрес-календарь, 1882, с. 104; Адрес-календарь..., 1887, с. 123].

На этом можно закончить историю салдинских беглопоповцев, хотя около двух десятков человек еще некоторое время продолжали «держать заветы дедов и прадедов». Правда, во второй половине XIX в. о беглых попах вспоминали уже крайне редко, а согласие стало называться часовенным. До конца 1910-х гг. часовенные изредка продолжали собираться на моления в частных домах, предпочитая в праздничные дни совершать поездку в нижнетагильскую часовню.

Теперь следует вновь вернуться к «пахтеям», воззрения которых сильно трансформировались: не позднее середины 1860-х гг. эта община приняла вероучение странников (они же бегуны, скрытники, христиане-странствующие). К настоящему времени мы не располагаем данными о том, кто именно «склонил» бывших салдинских поморцев в странничество. Но зато понятно, какими были побудительные причины для этого перехода.

Во-первых, теория о добром императоре-избавителе, в которую верили уральские беспоповцы, оказалась неверна. Во-вторых, определенное влияние на радикализацию взглядов бывших поморцев оказал массовый переход салдинских старообрядцев в единоверие в 1850-е гг. (т. е. подчинение господствующей церкви). В-третьих, в начале 1860-х гг. в России закончилось структурирование организации странников на условиях «Статей», предложенных Никитой Семеновичем (Киселевым) [Мальцев], и эмиссары бегунов весьма активно ездили по стране.

Странническое согласие, возникшее еще в конце XVIII в., с принятием «Статей» стало состоять из особых административных единиц — «пределов», имеющих определенные территориальные границы и численный состав (не менее 100 человек). Пределом управлял старший, избранный для этого «в подобие епископа». Два-три предела образовывали «страну», которой руководил выборный старший страны. Ему подчинялись и одновременно делили с ним власть старшие пределы и их помощники, составлявшие все вместе «собор страны». Одного из руководителей стран соборно избирали главой всей страннической церкви — «преимуществим старшим». Тагильский предел (в который вошли и обе салдинские общины) стал частью Казанской «страны» (округа), подчиненной непосредственно преимуществим старшему — «патриарху» странников.

Кроме этого, в общинах странников существовала внутренняя иерархия, о которой еще в 1880 г. писал «открыватель» уральских странников протоиерей П. С. Шишов. Он отметил существование у странников двух «чинов»: «совершенные христиане», т. е. те, которые «вошли в странство» и были перекрещены (такие бегуны скрытно проживали в скитах или в селениях). Второй чин составляли «жиловые христиане» («мирские» или «странноприимцы»), которые жили в мире и обязаны были давать приют действительным странникам. Бегуны первого чина считались монахами [Сморodinцев, с. 69].

Властям Российской империи о согласии странников-бегунов стало известно в конце 1840-х гг., а об уральских странниках первые более или менее достоверные сведения стали появляться только с начала 1880-х гг. Салдинские же бегуны попали в поле зрения церковных властей еще позже. Причем произошло это отчасти благодаря случаю. В 1893 г. настоятелем верхнесалдинской Иоанно-Богословской церкви был определен 25-летний выпускник Орловской семинарии Николай Венедиктович Колпенский. Вскоре он направил благочинному о. Александру Попову рапорт, в котором сообщал: «Распространение секты “пахтеев” идет быстрыми шагами. У нас и раньше были раскольники, хотя приход считался полностью православным, но семьи 2–3, не более» [ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 70, л. 3].

Теперь же, по свидетельству священника, в поселке Верхнесалдинского завода насчитывалось около 60 странников (обоего пола). Их наставником был Анисим Назарович Зуев, а моления поочередно проходили в домах братьев Михаила, Николая, Ивана Павловичей Бабкиных. Кроме того, последователи страннического согласия были обнаружены и в деревне Северной (полтора десятка человек). Правда, все эти подсчеты оказались очень условными. Во-первых, учитывались только «мирские» странники, количество же «совершенных христиан» установить было сложно. Во-вторых, любопытной особенностью странников салдинской округи было то, что «пахтеи» открыто не признавали себя уклонившимися от официальной церкви. «Они и крещение приемлют, и браки оглашаются в церкви, и на исповедь перед браком не отказываются приходить, и присягу принимают, и священника с крестом в дома свои приемлют» [Боровик; ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 70, л. 3 об.].

Примечательно, что подобное поведение характерно для последователей спасова согласия (нетовцев). Напомним, что все исследователи однозначно утверждают, что важнейший из «краеугольных камней» доктрины странников — минимизация общения с любыми государственными институтами и безусловное признание официальной церкви одним из «инструментов» Антихриста, уже пришедшего в мир.

Полученная информация заставила миссионеров обратить пристальное внимание на этот район. В ходе расследования выяснилось, что «пахтеи» — это все-таки странники (хотя некоторые из них не смогли ответить, к какому «согласу» принадлежат) и, кроме Верхней Салды, они проживали также в Нижнесалдинском заводе (первоначально выявили около 30 человек; руководитель — Федор

Васильевич Масленников), в с. Медведевском (около 10 душ обоего пола), в деревне Прянишниковой (еще несколько человек).

Судя по архивным документам, следствие по делу о салдинских странниках велось до начала 1901 г. Однако в это же время уральские странники не побоялись летом 1900 г. созвать в Нижнем Тагиле собор, на котором присутствовал сам «преимуществ старший» Роман Логинович. До сих пор не известно, что обсуждалось на этом «совете освященном», но, как отмечал выдающийся знаток страннического согласия Н. И. Ивановский, «должно быть, собор был по очень важным вопросам» [Ивановский, с. 21].

И все же миссионерам удалось получить достаточно полную информацию не только о численности «пахтеев» и об их руководителях, но и о представителях других старообрядческих согласий салдинских заводов. По данным за 1900 г. ситуация выглядела следующим образом: в Верхней и Нижней Салде, а также в с. Медведевском насчитали 6 «австрийцев» (белокриницкая иерархия), 17 часовенных и 213 странников [Ведомость о числе раскольников..., с. 186]. Отмеченные ранее серьезные нестыковки с официальной статистикой присутствуют и здесь: во всей Екатеринбургской епархии в том же 1900 г. учли лишь 120 последователей страннического согласия [Отчет епархиального миссионера..., с. 126].

Еще одним результатом «открытия» властями салдинских странников стали регулярные собеседования, которые начали проводить миссионеры. При этом священники, пытавшиеся общаться с местными бегунами, отмечали, что хуже всего на эти встречи реагировали верхнесалдинские странники. «В этом заводе замечалось и замечается положительно систематическое бегание от бесед со стороны странников, так что здесь беседы всегда проходили и проходят в отсутствие всякого более или менее грамотного и знакомого со старопечатными книгами странника, и при очень ограниченном количестве слушателей из страннического толка» [Смирнов, с. 490].

В Нижней Салде постоянным противником миссионеров выступал местный вожак странников крестьянин Федор Васильевич Масленников. «На него возлагают все свое упование и все свои надежды последователи этого толка как в указании спасительного пути для странников в нынешнее антихристово время, так и в защите их страннического учения» [Там же, с. 488].

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные, при всей их относительности, позволяют говорить о внутренних процессах, протекавших в общинах уральских странников. В 1900 г. в епархии учли 120 странников (114 из них — в Верхотурском уезде), в 1902 г. — 382 странника (372 — в Верхотурском уезде), в 1904 г. — 427 человек (420 — в Верхотурском уезде) [Белобородов, с. 439].

Резкое увеличение количества странников в начале 1900-х гг. можно объяснить, учитывая то, что в страннической иерархии Российской империи произошла смена руководства — в 1900 г. «преимуществ старшим» был избран Корнилий Петрович (Пятаков), а его помощником, отвечавшим за проповедническую

деятельность, стал уроженец Висимо-Уткинского завода Александр Васильевич (Рябинин). Существенную активизацию страннической агитации на Урале сразу же отметили миссионеры. «Странники в течение всего года вели усиленную подпольную пропаганду своих лжеучений, стараясь всем внушить, что в мире уже царствует Антихрист в лице гражданской и церковной власти» [Состояние в епархии раскола..., с. 363].

Активная пропаганда и агитация привели к тому, что многие салдинцы (причем не единоверцы, а самые что ни на есть православные) были «совращены в странничество». Так, например, только в 1904 г. из пяти случаев «уклонения в раскол» в Верхотурском уезде четыре произошли в Верхней Салде. В Нижней Салде миссионерам, специально приехавшим в поселок, «по горячим следам» удалось вернуть в лоно церкви несколько человек, недавно «зараженных сектантскими взглядами» [Состояние расколо-сектантства..., с. 604; ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 172, л. 12].

После революции салдинские «пахтеи» более 10 лет жили совершенно спокойно. Настолько спокойно, что в 1927 г. даже провели в Нижней Салде «съезд» представителей нескольких общин округа. Можно предположить, что основным вопросом повестки дня было отношение странников к советской власти. Примечательно, что главной докладчицей была женщина — старица Александра (Александрия).

Об этом событии, однако, «компетентные органы» узнали значительно позднее. Следует отметить, что первые сведения о существовании в Нижней Салде крупной общины странников стали известны советским властям лишь в 1933 г., после того как в ноябре 1932 г. были арестованы Евдоким Степанович Степанов, являвшийся старейшим по Тагильской области, и старец Евтихий (Евтихий Николаевич Жижин), давшие показания о деятельности и структуре организации странников. Невьянский отдел ОГПУ приступил к ликвидации нелегальной организации «Истинно-православных христиан странствующих» (ИПХС). В число 48 арестованных попали все пристанодержатели Невьянского района и несколько авторитетных старцев и стариц, например, Устин (Лука Васильевич Масленников) и Анна (Александра Ульяновна Углова). Тогда же первый раз был задержан «жиловой» странник из Нижней Салды — Иван Филиппович Масленников (1889–1976).

Очередная волна репрессий пришлось на 1937–1940 гг. В августе 1937 г. арестовали содержателя одного из моленных домов салдинских странников — Петра Лукича Масленникова. В 1938 г. второй раз был арестован И. Ф. Масленников, давший на следствии развернутые показания, которые помогли сотрудникам ОГПУ не только выявить почти всех странников Нижней Салды, но и выйти на другие общины. Сам же И. Ф. Масленников был освобожден из-под стражи и... оправдан. Примечательно, что, вернувшись домой, он по-прежнему оставался содержателем моленной с кельями для проживания старцев и фактическим руководителем общины. Это позволяет предположить, что Масленников пошел на сотрудничество с властями.

Вероятно, сведения Масленникова помогли властям арестовать в июле 1940 г. в пос. Рудянка старшего Уральского предела старца Евтихия (Е. Н. Жижина) и еще нескольких руководителей странников. Всего по этому делу уральской группы «Истинно-православных христиан» был осужден 41 человек (реабилитированы только в 1993 г.) [Шлыков, с. 79–80].

«Обезглавив» общины, власти продолжали внимательно следить за оставшимися. По данным органов УКГБ в 1950-е гг. численность странников в области составляла около 40 человек, а общины в городах Верхняя и Нижняя Салда по-прежнему считались крупнейшими. На наиболее активных участников «секты истинно-православных христиан странствующих» органами государственной безопасности было заведено агентурное дело с креативным названием «Странники» [Мотревич, с. 340].

Однако, несмотря ни на что, салдинские «пахтеи» пережили и эти напасти. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. общиной руководила замечательная женщина — матушка Алевтина. Именно она передала уральским археографам уникальные рукописи, часть из которых уже опубликована [Духовная литература..., с. 586–598; Полетаев], а некоторые, скорее всего, будут опубликованы в ближайшее время. В Нижней Салде и сейчас есть несколько странников, но центр Уральского предела переместился в небольшой город Ревда, где проживает предельный старший.

Подводя итоги, отметим, что история старообрядчества в Нижнесалдинском заводе во многом протекала по схожему с другими заводскими поселениями сценарию: переселение на заводы большого количества староверов в XVIII в., образование беглопоповских общин; «оскудение» беглого священства и переход бывших старообрядцев-поповцев на позиции беспоповщины (часовенное согласие). Но в салдинских общинах уже в XIX в. произошел ряд «расколов в расколе», в результате чего одной из особенностей местного староверия стало появление и развитие крупнейшей в епархии организации старообрядцев-странников. Примечательно, что именно странники сохранились в Нижней Салде до наших дней.

Источники

Адрес-календарь Пермской епархии на 1877 г. Пермь : Тип. и лит. Заозерского, 1877.

Адрес-календарь Екатеринбургской епархии на 1887 г. Екатеринбург, 1887.

Варушкин Н. О единоверии в Нижнетагильском заводе и его округе // Православный собеседник. 1866. Ч. 1. С. 3–36; 1867. Ч. 1. С. 272–311.

Ведомость о числе раскольников Екатеринбургской епархии... за 1900 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 11. С. 186–187.

ГАПК — Государственный архив Пермского края. Ф. 65. Оп. 2. Д. 817.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 6. Оп. 4. Д. 70, 172.

Дневник С. Д. Нечаева // Братское слово. 1893. № 19. С. 742–751; № 20. С. 827–838; 1894. № 1. С. 61–78.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1999.

- Из архива С. Д. Нечаева // Братское слово. 1893. № 1. С. 262–268.
- К истории православного старообрядчества // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 1–2. С. 24–32; № 3. С. 63–73; № 4. С. 117–122.
- Отчет епархиального миссионера о состоянии и численности раскола в Екатеринбургской епархии за 1900 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 9. С. 125–135.
- Пермский епархиальный адрес-календарь на 1882 г. Пермь : Тип. Губ. Зем. Управы, 1882.
- Преосвященный Аркадий, как деятель по обращению раскольников Пермской епархии в недра православной Церкви // Пермские епархиальные ведомости. 1874. № 21. С. 211–219.
- Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург : Братство св. праведного Симеона, верхотурского чудотворца, 1902.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 201.
- РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 69; Ф. 1284. Оп. 195. 1822 г. Д. 1.
- Смирнов Ф. Отчет о веденных Верхотурским окружным миссионером в январе четырех беседах // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 11. С. 487–508.
- Сморodinцев Н. С. К истории Невьянского завода // Вестник музея «Невьянская икона». Вып. IV. Приложение. Екатеринбург : Автограф, 2013. С. 23–116.
- Состояние в епархии раскола и сектантства (из отчета епархиального миссионера за 1901 г.) // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. № 8. С. 359–366.
- Состояние раскола в Екатеринбургской епархии в 1902 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1903. № 19. С. 566–569.
- Состояние расколо-сектантства в епархии и деятельность миссии в 1903 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 599–607.

Исследования

- Белобородов С. А. Уральские «пахтеи»: поморцы или странники? // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе : тр. IV Междунар. науч. конф. / сост. Ю. С. Белянкин, Е. В. Воронцова, Н. В. Литвина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. (Мир старообрядчества ; вып. 10). С. 441–454.
- Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев / часовенных XVIII — начала XX в. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017.
- Боровик Ю. В. «Камень преткновения» и «противогосударственный раскол» (о странниках в Пермской губернии в начале XX века) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 262–263.
- Ивановский Н. И. Внутреннее устройство секты странников или бегунов. СПб. : Тип. журн. «Миссионерское обозрение», 1901.
- Коновалов Ю. В. Происхождение населения Нижне-Салдинского завода (1759–1811) // Уральский родосед. Вып. 2. Екатеринбург : Ярмарка-Пресс, 1997. С. 37–52.
- Мальцев А. И. Проблемы церковной организации и управления в сочинениях староверов-странников (вторая половина XIX — начало XX века) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2003. С. 157–176.
- Мангилёв П. И. К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 4–24.
- Мотревич В. П. Христианские конфессии и общины в Свердловской области в послевоенные годы (по материалам Архива УФСБ РФ по Свердловской области) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 9. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 338–354.
- Павловский Н. Г. Демидовы и старообрядчество в XVIII в. // Демидовский временник : исторический альманах. Кн. 1. Екатеринбург : Демид. ин-т, 1994. С. 30–64.

Поletaев А. В. Странническое сочинение «О жизни и блаженной кончине инокини Леониллы» // Религия и церковь в Сибири : сб. науч. ст. и документальных материалов. Вып. 12. Тюмень : ТюмГУ, 1999. С. 44–58.

Танкиевская И. Н. Нижняя Салда. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Шлыков П. История деревни Прянишникова на реке Тагил // Веси. 2017. № 11 (137). С. 76–80.

References

Beloborodov, S. A. (2019). Ural'skie "pahtei": pomortsy ili stranniki? [Ural "Pakhtei": Pomortsy or Stranniki?]. In Yu. S. Belyankin, Ye. V. Vorontsova, & N. V. Litvina (Comps.), *Yazyk, kniga i traditsionnaia kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya v nauke, muzejnoj i bibliotechnoj rabote: trudy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Language, Book, and Traditional Culture of the Late Russian Middle Ages in Science, Museum, and Library Work]. *Mir staroobryadchestva*, 10, 441–454. Moscow: Moscow University Press.

Beloborodov, S. A., & Borovik, Yu. V. (2017). *Starovery gornozavodskogo Urala: stranitsy istorii soglasiya beglopoptvsev / chasovennykh XVIII — nachala XX v.* [Old Believers of the Mining Urals: Pages of the History of the Consent of Beglopoptvsev / Chasovennye of the 18th — Early 20th Centuries]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Borovik, Yu. V. (2003). "Kamen' pretykaniya" i "protivogosudarstvennyy raskol" (o strannikakh v Permskoj gubernii v nachale XX veka) ["Stumbling Block" and "Anti-State Schism" (about Stranniki in the Perm Province in the Early 20th Century)]. In *Ural'skij sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya* (Vol. 5, pp. 262–263). Yekaterinburg: Ural University Press.

Ivanovsky, N. I. (1901). *Vnutrennee ustroystvo sekty strannikov ili begunov* [Internal Structure of the Sect of Stranniki or Runners]. St Petersburg: "Missionary Review".

Kononov, Yu. V. (1997). Proiskhozhdenie naseleniya Nizhne-Saldinskogo zavoda (1759–1811) [Origin of the Population of the Nizhnesaldinsky Plant (1759–1811)]. In *Ural'skij rodoved* (Iss. 2, pp. 37–52). Yekaterinburg: Yarmarka-Press.

Maltsev, A. I. (2003). Problemy tserkovnoj organizatsii i upravleniya v sochineniiakh staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Problems of Church Organisation and Management in the Works of Stranniki Old Believers (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. In *Istoricheskie i literaturnye pamyatniki "vysokoj" i "nizovoj" kul'tury v Rossii XVI–XX vv.* [Historical and Literary Monuments of "High" and "Grassroots" Culture in Russia of the 16th — 20th Centuries] (pp. 157–176). Novosibirsk: Publishing House of the Sib. Branch of the Russian Academy of Sciences.

Mangilev, P. I. (2000). K istorii pomorskogo soglasiya na Urale v XVIII–XX vv. [On the History of the Pomorye Concord in the 18th — 20th Centuries Urals]. In *Ocherki istorii staroobryadchestva Urala i sopredel'nykh territorij* [Essays on the History of Old Believers in the Urals and Adjacent Territories] (pp. 4–24). Yekaterinburg: Ural University Press.

Motrevich, V. P. (2008). Hristianskie konfessii i obshchiny v Sverdlovskoj oblasti v poslevoennyye gody (po materialam Arhiva UFSB RF po Sverdlovskoj oblasti) [Christian Denominations and Communities in Sverdlovsk Region in the Postwar Years (with Reference to the Archive of FSB of Russia in Sverdlovsk Region)]. In *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity] (Iss. 9, pp. 338–354). Yekaterinburg: Ural University Press.

Pavlovsky, N. G. (1994). Demidovy i staroobryadchestvo v XVIII v. [Demidov and Old Believers in the 18th Century]. In *Demidovskij vremennik: Istoricheskij al'manah* [Demidovsky Vremennik] (Book 1, pp. 30–64). Yekaterinburg: Demidov Institute.

Poletaev, A. V. (1999). Strannicheskoe sochinenie "O zhizni i blazhennoj konchine inokini Leonilly" [Stranniki Essay "On the Life and Blessed Death of Nun Leonilla"]. In *Religiya i tserkov' v Sibiri: sbornik nauchnykh statej i dokumental'nykh materialov* [Religion and the Church in Siberia] (Iss. 12, pp. 44–58). Tyumen: Tyumen State University.

Shlykov, P. (2017). Istoriya derevni Pryanishnikova na reke Tagil [History of the Village Pryanishnikova on the Tagil River]. *Vesi*, 11 (137), 76–80.

Tankievskaya, I. N. (2000). *Nizhnyaya Salda*. Yekaterinburg: Ural University Press.

Белобородов Сергей Анатольевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Лаборатории
археографических исследований,
доцент кафедры этнологии и археологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: s.a.beloborod@yandex.ru

Beloborodov, Sergey Anatolyevich

PhD (History), Senior Researcher
Archaeographic Laboratory,
Associate Professor
Department of Ethnology and Archaeology
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: s.a.beloborod@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1600-9897